

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ЖИЗНЬ

ВЗАИМЫ

МОСКВА

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использован коллаж
из рисунков художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Жизнь взаймы / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-101698-2

Новый роман о мастере сыска полковнике Льве Гурове. Четверть века на книжном рынке!

Во дворе своего дома застрелен начинающий предприниматель Рауф Гулиев. По найденным у него документам следствие установило, что убитый имел огромные долги, в основном перед мелкими финансовыми организациями. Полковник МУРа Лев Гуров недоумевает: неужели кредиторы начали расправляться со своими должниками таким жестоким образом? Он берет в оборот директора одной из заемных фирм и выясняет, что Гулиев — не единственная жертва «долгового» бизнеса. Кто-то давно и планомерно убирает заемщиков, преследуя куда более чудовищные цели, чем просто возврат денег...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101698-2

© Макеев А.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Старый обшарпанный «Фольксваген» ехал по пыльной проселочной дороге. За рулем сидел молодой мужчина типичной кавказской внешности. Худое смуглое лицо, крупный нос с горбинкой, кончик носа слегка опущен вниз. Густые черные волосы жесткими прядями спадали на воротник несвежей рубашки. Они давно требовали стрижки, но, видимо, это мужчину мало беспокоило. Глубокие борозды, прочертившие лоб, и хмуро сдвинутые кустистые брови говорили о том, что на данном жизненном этапе владельцу неряшливой прически проблем хватает. Заботы о внешности явно отошли на задний план.

Жилистые руки так вцепились в рулевое колесо, что казалось, он собирается вырвать его с корнем и вышвырнуть в открытое окно. Желваки на скулах ходили ходуном, тонкие губы прятались в усах, которые не могли скрыть напряжение молодого мужчины. Но главным подтверждением того, что у мужчи-

ны не все гладко в жизни, являлось то, что, находясь в салоне один, он разговаривал вслух. Нет! Он не просто разговаривал, а ругался, на чем свет стоит проклиная всех и вся, при этом обращался сам к себе по имени.

— О чем ты только думал, Рауф! Как мог подписаться на такое? С каких пор в роду Гулиевых появились недоумки? Черт бы тебя побрал! Тебя и всех твоих кредиторов. Нет, лучше бы только кредиторов, но разве это зависит от твоего желания?

Впереди идущая машина сбавила ход, собираясь остановиться у обочины. Рауф резко вывернул руль, пытаясь избежать столкновения. Он высунулся из окна и грубо обругал водителя. Тот в ответ выставил в форточку средний палец. Рауф резко ударил по тормозам, собираясь продемонстрировать зарвавшемуся, как он относится к неприличным жестам, но вовремя одумался.

— Остынь, Рауф, — вновь набирая скорость, приказал он себе. — Тебе только дорожных разборок не хватало. Этого подонка и без тебя проучат рано или поздно. Таких придурков всегда настигает расплата.

Автомобиль-нарушитель остался далеко позади, Рауф тяжело вздохнул.

— Его ты считаешь придурком, кто же тогда ты? — выезжая на шоссе, философски изрек он. — Нарушение правил дорожного движе-

ния по сравнению с твоими художествами — просто детская шалость. Черт, ну почему, почему так происходит? Ведь все было просчитано!

Какое-то время он ехал молча, но тревога не отпускала. Эту поездку он предпринял в надежде все исправить. Не вышло. Теперь придется все начинать сначала, а время поджимает. Не просто поджимает, его уже не осталось. Совсем. На завтрашний день назначена встреча. Что она принесет? Рауф полагал — ничего хорошего.

— Еще и эта сука, — в мыслях Рауф переключился на другую волну, и ругательство само сорвалось с губ. — Мерзкая, грязная шлюха. Как она могла поступить так с тобой?

Он снова грубо выругался и даже сплюнул в форточку. Встречный ветер подхватил плевок и вернул в салон. Мокрое пятно растеклось по несвежей рубашке.

— Отлично, — проворчал Рауф, стирая слюну рукавом. — Может, заодно и помочишься сам на себя? Для полной гармонии.

Делать этого он, разумеется, не стал. Досадное происшествие на некоторое время отвлекло его от печальных мыслей, к тому же дорога подошла к магистральной развязке: Рауф въезжал в Москву. Ехать оставалось недолго. По прямой по шоссе Энтузиастов до следующей развязки, миновав лесопарковую зону

Измайлово и преодолев запутанный лабиринт дорог, перебраться на улицу с нелепым названием Электродная, где он занимал однокомнатную квартиру в многоэтажном доме. Квартира эта ему не принадлежала, но он находился не в том положении, чтобы проявлять щепетильность и отказываться от дармового жилья.

— Ладно, ладно, сейчас главное — успокоиться. — Рауф вновь заговорил вслух. — Ситуация такова, какова есть, и, раз уж ты влип, постарайся хотя бы не паниковать. Холодный душ тебе не повредит. Думай об этом. Завтра будет новый день, и кто знает, может, на этот раз тебе повезет.

«Фольксваген» свернул на знакомую улицу, миновал сетчатое ограждение автомобильной стоянки, устроенной жильцами дома для личного пользования. Толку от ограждения было немного, но кое-кого из владельцев авто это успокаивало. Притормозив у самого въезда, Рауф поискал глазами свободное место. Как всегда, практически все места оказались заняты, большая часть жильцов возвращалась домой раньше Гулиева. Присмотрев место в углу стоянки, Рауф проехал вдоль плотного ряда машин, произвел нехитрые манипуляции и втиснул «Фольксваген» между подержанным «Пежо» и новехонькой «Калиной». Заглушив мотор, он опустил голову на руки,

которые все еще сжимали рулевое колесо. Так он просидел довольно долго.

Особых причин сидеть в машине, вместо того чтобы идти домой, у Рауфа не было. Уже много месяцев он жил один. Ему не нужно было ни перед кем отчитываться за позднее возвращение. Некому было устраивать скандалы и разборки. Уже некому. Просто в салоне своего «Фольксвагена» он чувствовал себя увереннее. Но домой идти все же было нужно. Завтра его ждет трудный день, очередной трудный день, перед которым следовало хорошенько выспаться.

Усилием воли Рауф заставил себя поднять голову. Встряхнувшись, он вышел из машины. В ночной тишине звук закрывающейся дверцы прозвучал слишком громко. Рауф нажал кнопку, активируя сигнализацию. Фары дважды моргнули и потухли. Сунув ключи в карман, Рауф медленно двинулся вдоль припаркованных авто.

Мысли его были далеко. Видимо, поэтому он слишком поздно сообразил, что на стоянке он не один. А поняв это, застыл как вкопанный. От черного силуэта его отделяло не больше трех метров. Рауф пытался рассмотреть выражение лица человека в черном, но было слишком темно. Освещения от уличного фонаря едва хватало на то, чтобы вообще хоть что-то разглядеть. И все же Рауф его узнал. Нель-

зя сказать, что это принесло Рауфу облегчение, но язык развязало.

— Снова ты, — преодолевая страх, произнес он. — Мы ведь договорились. У меня еще есть время, ведь так?

Человек в черном молчал. Рауф выдержал небольшую паузу и снова заговорил:

— Не подумай, я не собирался сбежать. Просто решил прокатиться. Это ведь не запрещено? Если вас это беспокоит, надо было предупредить. Я бы и носа из дома не высунул, — голос Рауфа звучал заискивающе.

Слова Рауфа на человека в черном не произвели должного эффекта. Он переступил с ноги на ногу, и Рауф увидел то, что до этого скрывала тень. Огромный, тяжелый пистолет с навинченным на дуло глушителем. По спине пробежали мурашки, в желудке что-то перевернулось, к горлу подступила тошнота. «Надо что-то сказать, — пронеслось в голове. — Не молчи, Рауф, только не молчи».

— Послушай, зачем это тебе? Я ведь обещал, что завтра все будет. Хочешь, отдам тебе ключи от машины? Забирай ее. Только не дури, моя смерть ничего не даст, ты и сам это понимаешь, — быстрой скороговоркой заговорил Рауф. — Знаю, у нас были разногласия, но все это в прошлом. Теперь я понимаю, насколько глупо я вел себя поначалу, но ведь это не повод, чтобы...

Договорить Рауф не успел. Он не услышал звука выстрела, лишь слабый хлопок, будто кто-то разрядил новогоднюю хлопушку. Но алое пятно в области сердца, расползающееся по светлой рубашке, рассмотреть успел. Еще до того, как пришла боль. До того, как пришло осознание, что его, Рауфа Гулиева, больше нет. Как в третьесортных боевиках, он поднял руку и дотронулся до алого пятна. Пальцы тут же окрасились кровью.

— Зачем? — поднимая глаза на человека в черном, прошептал Рауф.

Тело его медленно, очень медленно осело на землю. Он крепко зажмурил глаза. «Не хочу видеть смерть. Пусть уж так». Это была его последняя осознанная мысль. Дальше все произошло быстро. Рот наполнился кровавой слюной, тело начали сотрясать конвульсии, и через тридцать секунд все было кончено.

Падая, Рауф задел одну из машин. Сработала сигнализация, еще минуту назад тихий двор огласил рев сирены, настолько мощный, что от ее вибрации сработала сигнализация еще пары машин. Из окон начали высовываться головы автовладельцев.

— Какого хрена вы там творите? — грубо пробасил мужчина со второго этажа. — Сейчас спущусь, задницы вам надеру!

— Лухов, опять твоя оглашенная орет, — заверещал женский голос с шестого этажа. —

Дождешься, накатаю жалобу в прокуратуру, они заставят тебя чужой сон уважать.

— Тебе-то что за дело, Катерина? Ты все равно ночи напролет своего сопляка ублажаешь, — весело парировал женский голос откуда-то сбоку. — Или с ритма сбиваешься?

Высказывание второй женщины развеселило публику. Громкий смех перекрыл затихающие звуки сигнализации.

— А ты не завидуй, Наталья, будет и на твоей улице праздник, — не растерялась Катерина. — Вот надоест мне мой сопляк, я его тебе по сходной цене сплавлю.

— Ох, охальники, — ворчливо произнес старческий голос с первого этажа. — Языки бы вам горчицей намазать.

— Лучше хреном, дед Василь, — рассмеялась Наталья. — Катьке точно больше понравится.

— Да погодите вы ржать-то, — остановил Наталью дед Василь. — Чегой-то там не того. Вроде у луховской колымаги лежит кто-то. Может, дурно человеку. Лухов, спустись, глянь.

— Делать мне больше нечего, — огрызнулся Лухов. — Небось Демид опять нажрался, вот и валяется. Ничего, до утра проспится, сам уйдет.

— Да не похож на Демида. Чернявый он, а Демид к соломе ближе, — возразил дед Ва-

силь. — Сходи, Лухов, не мне же, старому, тащиться.

— Ладно, черт с тобой, спущусь, — пообещал Лухов. — Но если это Демид, я его к тебе притащу. В качестве компенсации.

Слова деда заинтересовали жильцов. Пока Лухов спускался вниз, любопытные взгляды скользили по двору, ожидая продолжения веселья. Дед Василь наблюдал, как Лухов выходит из подъезда, как неохотно плетется к своей машине. Наблюдали и остальные жильцы, разбуженные резкими звуками луховской сигнализации. Все они видели, как Лухов вдруг застыл на месте, точно на невидимую преграду напоролся.

— Ну, чавой там? — окликнул Лухова дед Василь. — Демид?

— Твою-то Дерibasовскую, — в сердцах выпалил Лухов. — Ну, дед, спасибо тебе.

— За что благодарность? — переспросил дед Василь.

— «Скорую» вызывай! — взревел Лухов. — А лучше полицию. Тут человека убили.

Из окон зазвучали охи и ахи, а спустя две минуты двор заполнился любопытными жильцами. Сколько Лухов ни орал, чтобы не толпились возле тела, сколько дед Василь ни страдал всевозможными последствиями, кольцо зевак сжималось вокруг тела. К моменту приезда полиции автостоянка во дворе

была забита до отказа, следы потенциального преступника затоптаны, а предшествовавшие трагедии реальные события в головах свидетелей густо перемешались с красивыми, но выдуманными подробностями.

* * *

Вот уже час полковник Гуров мерил шагами кабинет на Петровке. От одной стены до другой, вдоль окна до угла, по диагонали и обратно. Он пребывал в бешенстве, а в таком состоянии на одном месте не усидишь. В бешенство же его привел не какой-то зарвавшийся бандюган, не вездесущие журналисты и даже не желторотые стажеры, которыми вторую неделю кишело Главное управление Московского угрозыска, а лучший, как всегда считал Гуров, проверенный годами друг. И сейчас не имело значения, что этот самый друг по совместительству был еще и непосредственным начальником полковника, к тому же выше его чином и званием. Плевать Гуров на это хотел! То, как поступил с ним генерал Орлов, не оправдать ни званием, ни чином, ни полномочиями.

«Мальчик на побегушках, вот кто я теперь, — Гуров завершил очередной круг, но облегчения не почувствовал. — Такими темпами я скоро сбжавших котов с деревьев снимать начну. А почему нет? Все остальное меня

делать уже обязали. Да что вообще нашло на Орлова?»

Дня не прошло после завершения дела «Девушки в чемодане», его напарник, полковник Крячко, все еще находился на излечении в госпитале, сам Гуров едва-едва бумаги заполнить успел.

По мнению Гурова, генерал должен был проявить больше такта и понимания. Все-таки полковник — не последний человек, а по словам того же генерала Орлова, надежда и опора уголовного розыска. Ему поручают самые запутанные и безнадёжные расследования, и он справляется. Так почему же вдруг он стал тем, на кого сваливают уголовный хлам, которым даже районные опера пренебрегли, посчитав недостойным внимания?

— Товарищ полковник, машина ждет, — приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы пролезла голова, бодро объявил дежурный.

— Да иду я, иду, — Гуров махнул рукой, отпуская дежурного.

«Теперь еще и с соглядатаем на шее весь день таскаться, — недовольно подумал он. — Ладно бы Шестакова дали, так нет, новенького подсунули. Человек он не проверенный, ни по телефону при нем разговор откровенный не заведешь, ни передвижения от начальства не скроешь. И что за день такой! Ну почему, почему моя машина сломалась именно